Быстро оглядевшись, чтобы убедиться, что она все еще одна, она просунула руку под юбку и скользнула пальцами в трусики. Вот черт. Так вот куда отклонился Ла-Манш. Замечательно. Ты чертовски вовремя, Маффи. Почему ты не такая мокрая, когда я пытаюсь уложить себя спать? Хотя она и говорила своим резвящимся пальчикам, что мастурбировать в библиотеке Малфоев неприлично, они проигнорировали её укоры и продолжили свои мокрые изыскания. Кто узнает? - возразили они.

Отличная мысль.

Дверная ручка в другом конце комнаты зазвенела при повороте, и она отдернула руку от промежности и затаила дыхание. Сердце болезненно стукнуло о ребра, просто чтобы вбить в память назидание. Вот почему нельзя трогать себя на людях. Это сердечный приступ, который только и ждет, чтобы случиться. Прижав влажную руку к груди, чтобы сдержать сердце, она заглянула на полки, чтобы посмотреть, кто прервал ее любовные утехы.

О. Боже мой. Боже.

Гермиона моргнула, чтобы убедиться, что все видит правильно. Люциус Малфой стоял спиной к стене алькова, окружавшего дверь, и его длинные светлые волосы были хорошо видны. Она не могла разглядеть второго человека. Кто-то высокий. И темный. Мужчина. ...или невероятно высокая женщина. Тени затрудняли идентификацию. Она никогда раньше не видела такого яростного сношения.

"Динь-дон", - прошептала она себе под нос. Она и не подозревала, что в ее укромном местечке в библиотеке есть подзорная труба.

Совість укоряла ее за шпионаж, но киска ничего не хотела слышать. Жаль, мозг. Теперь я здесь главная. Мы наблюдаем, и это окончательно.

Партнер Люциуса одержал верх и прижал его к стене. Сердце заколотилось, выстукивая причудливый ритм литавр. Никто никогда не целовал ее так, и губы понимали, что упустили нечто потрясающее. Другой человек схватил Люциуса за лицо и отпрянул назад, чтобы набрать воздуха; они оба тяжело дышали и смотрели друг другу в глаза.

Эта рука. Она знала эту руку. В голове промелькнули воспоминания о том, как она училась в Хогвартсе, сидела в подземельях и наблюдала за тем, как ее профессор остужает котел. Не может быть. Она прищурилась, вглядываясь в темноту. Неудивительно, что она едва могла его разглядеть - он был весь в черном.

Бледная рука Снейпа скользнула вниз, к брюкам Люциуса, и с нежностью прикоснулась к его груди. Гермиона вытаращила глаза, глядя, как он тербит мужчину, словно волшебную лампу. Сороки Морганы линяют! Как долго это продолжалось? Знал ли Драко, что его отец трахается со своим старым профессором?

Вопросы, роившиеся в ее голове, были несущественны по сравнению с водопадом воды между ее ног. Она уже была готова начать трахать полки. И она бы так и сделала, если бы не боялась, что ее заметят.

Северус отстранился от Люциуса и направился к дивану, как будто внезапно решил, что с него хватит обжиманий на одну ночь. Ее клитор запульсировал от разочарования. Когда они вышли на свет камина, она смогла разглядеть все гораздо четче. Снейп сидел на диване, невозмутимый и безучастный, очевидно, скучая по какой-то непостижимой причине, а Люциус подошел к ликерному шкафу, чтобы налить им напитки. Янтарная жидкость окрасила каждый кубок из граненого стекла, когда они наполнились, и Малфой протянул один из них Снейпу. Сев рядом с ним, Люциус начал говорить, и их разговор был настолько тихим, что она не слышала ничего, кроме гулкого резонанса каждой гласной и прерывистого пульса каждой согласной. Но потом Люциус положил руку на бедро Снейпа, и Гермиона - и ее бешеный клитор - тут же возбудилась.

Какой шедевр. Белое и черное. На черном кожаном диване. Кожаный. Почему Снейп и Люциус, изображенные на фоне кожи, так возбудили ее мозг? Это вызывало в воображении столько восхитительных вариантов.

А она жаждала сытного лакомства. Ее желудок забурлил от голода.

Хотя теперь, когда большинство ее друзей вышли замуж, ее часто посещало чувство одиночества, в данный момент ее внутренняя боль была чисто физической. Ее тело жаждало теплой руки между бедер, поцелуя в шею, тяжести тела, лежащего на ней. Кто-то, кто хотел бы ее. Почему так трудно найти хорошего мужчину? Того, кто любил бы книги и музыку. Того, кто в завершение ночи невероятного секса поцелует ее в лоб и будет держать, пока она не заснет. Тот, кто был мил и интересовался ее днем... но трахал ее через матрас, когда ей нужно было отпустить. Не слишком ли многого я прошу?

Она была разочарована, обнаружив, что волшебники не такие уж извращенцы, какими кажутся. Никто из них не знал, чего она хочет. И она не знала, как им об этом сказать. Это было так неловко произносить вслух. Разочарование и секс стали в ее сознании синонимами. Мужчины вели себя так, будто ее киска и грудь - единственные эрогенные зоны, которыми она обладала, но именно ее мозг нуждался в щекотке. Она так легко возбуждалась. Воображение - ее смазка. Предвкушение могло заставить ее потечь без единого прикосновения. Просто предложение. Это все, что ей было нужно.

И вот теперь ее бросили в море внушений. Снейп и Люциус стали отличным топливом для сексуального костра, разгоревшегося в ее мозгу.

Она замороженно наблюдала, как Люциус гладит мастера зелий, словно удобный любовник. Она не могла понять, куда именно направляется его рука, но была уверена, что он задерживается в Промежности. По крайней мере, ее киска хотела в это верить.

Закусив нижнюю губу, она наклонила голову набок и заглянула в книги, пытаясь получше разглядеть происходящее.

"На что ты смотришь, Грейнджер?"

<http://erolate.com/book/4211/125594>